

ПРОСВЕЩЕНИЕ

И. Кристол

КОНТРАКУЛЬТУРЫ

Перевод М.А. Султановой

Аннотация. Главная трудность в понимании контркультуры заключается в том, что наши обычные методы анализа, будь то общественно-политические, научные или публицистические, в данном случае оказываются непригодными. Мы ищем причины возникновения контркультуры и не находим их или находим такое количество причин, которое дискредитирует даже попытку причинно-следственного анализа.

Ключевые слова: педагогика, контркультура, консерватизм, либерализм, культура, гуманизм, общество, искусство, церковь, ортодоксия.

Об авторе — Ирвинге Кристоле

Ирвинг Кристол (1920-2009) — американский журналист и писатель, был основателем, спонсором и редактором большого числа журналов, в том числе и таких влиятельных изданий как «The Public Interest» и «The National Interest».

Ирвинг Кристол играл ведущую роль в политической и интеллектуальной жизни США во второй половине XX века, был одним из самых видных неоконсерваторов, оказавших серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Америки.

Он является основателем наиболее влиятельной политической силы в США — неоконсерватизма, автором Манифеста неоконсерватизма. Кристол возводит это направление общественной мысли в разряд политической философии.

Неоконсерватизм считается аналитиками «продуктом бурных 60-х». Он возник в процессе пересмотра идей и ценностей либерализма и консерватизма, в результате разочарования в либеральных программах по созданию «великого общества», общества «всеобщего благоденствия», «борьбы с бедностью».

Неоконсерваторы — это по существу группа бывших либералов, «консервативные экс-либералы». Основа их идеологии — резкая критика либерализма и либеральной культуры, критическое переосмысление либерально-реформистского подхода к социально-экономической политике администрации страны. Им характерна также и резкая критика движений социального протеста 60-х годов и требование установления «сильной власти». Неоконсерваторы выступают за укрепление авторитета власти, за приоритет рыночного механизма в раз-

витии экономики, за уважением к традиционным ценностям — за свободу, равенство возможностей, за мораль, религию, семью.

Центрами идей неоконсерваторов были журналы «The Public Interest» и «Commentary».

Во внешней политике «неокконы» были яркими проводниками жесткого милитаризма и силового насаждения идеалов «западной демократии» во всем мире. Отдельные аналитики особо подчеркивают тот факт, что неоконсерваторы-интеллектуалы всегда были близки и к администрации США, и к военным кругам, Пентагону (порой они занимали ключевые должности в Министерстве обороны, в Пентагоне). Благодаря близости к высшим эшелонам власти и военным кругам, они оказывали самое непосредственное влияние на формирование американской внутренней и внешней политики.

Ирвинг Кристол в 80-ые годы работал в Госдепартаменте США. С 1988 г. он — ведущий научный сотрудник Американского института предпринимательства. Назначается пожизненным членом Совета по международным отношениям. В 2002 г. был награжден высшей наградой Америки (и военной, и гражданской) — «Президентской медалью свободы».

Как известно, в 60-70 годы XX века в США неожиданно вспыхнуло и распространилось по всем индустриальным странам мощное протестное движение молодежи и студентов, лево-радикально настроенной интеллигенции, названное контркультурой. Американское общество было потрясено: молодежь ставила под сомнение все основные традиции и ценности западного общества, на которых оно стояло около 300 лет. Старшее поколение было в ярости, негодовало. До понимания сущности движения было далеко.

В те годы именно И. Кристола возглавлял самую репрессивную критику в адрес бунтующей молодежи. Вместе с ним атаку на молодежь и леворадикальную интеллигенцию вели и главный идеолог страны того времени Збигнев Бжезинский и глава Пентагона Герман Кан. И. Кристол восклицал тогда: «Как вообще еще существует западная культура, когда ее корни так умело подрываются контркультурой?!» Герман Кан требовал принять решительные меры против бунтарей, «пока молодежь не зашла слишком далеко».

Но шли годы. В общественном сознании США происходили изменения. Свидетельством этих изменений может служить и перемена в отношении к контркультуре самого И. Кристола, в 60-ые годы вообще не воспринимавшего контркультуру как объект серьезных размышлений, анализа. В 1994 г. в журнале «Commentary» появляется его статья под названием «Контркультуры», в которой он анализирует феномен контркультуры. Он признает, что контркультура повлияла фактически на все стороны жизни западного общества, что она «безусловно, является одним из самых значительных событий в Западной цивилизации во второй половине XX века».

С одной стороны, Кристол признает значимость контркультуры 60-х годов, а с другой вся статья проникнута критицизмом в отношении контркультур, которые он рассматривает в исторической перспективе. В заключение он, как истинный неоконсерватор, защищает капитализм, характеризуя контркультуру как «опасный феномен», поскольку его разрушительный потенциал сильнее созидательного. И чтобы противостоять ей, Кристол призывает «вдохнуть новую жизнь в древнюю — религиозную ортодоксию». (Ниже предлагается перевод статьи Ирвинга Кристола).

**Кристол И. Контркультуры // Commentary. 1994. Т. 98. № 6. С. 35-39.
(Kristol Irving. Countercultures // Commentary. 1994. Vol. 98. № 6. P. 35-39¹).**

Контркультура, возникшая в Соединенных штатах в 60-ые годы — и почти одновременно во всех западных странах — безусловно, является одним из наиболее значительных событий в западной цивилизации во второй половине XX века. Она изменила нашу систему образования, наше искусство, формы

отдыха, условности в сексе, наши нравственные нормы. Поэтому так важно понять ее — это даже более важно, чем критиковать ее.

Откровенно говоря, в западном обществе в то время не происходило ничего такого, что могло бы спровоцировать контркультурную революцию — не было явного кризиса (ни малейших его признаков) ни в экономике, ни в обществе, ни в политике Запада. Даже факт серьезного вмешательства Америки в войну во Вьетнаме, на который часто указывают как на причину возникновения контркультуры, таковым не является, поскольку контркультура возникла гораздо позже. Кроме того, такое одностороннее объяснение контркультуры не учитывает международного характера этого движения.

Дело в том, что она не была вызвана к жизни какой-то «причиной», она просто родилась. И то, что случилось, исходит изнутри нашей культуры и общества, а не приходит извне.

Начинать любое объяснение контркультуры следует с того, как она сама себя определяет. Здесь мы имеем дело с чем-то, что не представляет собой еще одно оппозиционное движение или очередную революцию стилей, сопровождаемые новым молодым авангардом; мы имеем дело с движением, которое осознает себя выступающим против культуры. Возникло оно из откровенного чувства враждебности именно к «культуре», чувства, родившегося у части интеллектуалов, профессоров, художников. Но что бы это могло означать?

Можно попытаться понять ее смысл, начав с анализа самого понятия культуры, понятия, настолько широко применяющегося, что порой мы склонны считать, что оно существовало вечно. На самом же деле это не так. Всего лишь в конце XVIII в. родилось современное понятие культуры, означавшее новую, автономную область человеческой деятельности — область, в которой поэты, драматурги, писатели и философы проявили такую мощную духовную активность, на которую традиционная религия была уже не способна. Считается, что роман Гёте «Страдания молодого Вертера» (1774) стал причиной множества самоубийств по всей Европе. Этот факт означал, что завершилась эпоха, когда в сфере духовных смятений и исканий властвовала церковь — теперь духовная сфера стала областью культуры.

Примерно в то же время возникает и такое понятие как искусство. Конечно, искусство существовало и до этого времени во всем его многообразии — искусство декоративное, педагогическое, дидактическое, зрелищное. Но прежде отсутство-

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного в Американском Институте предпринимательства.

вало и широко понимаемое понятие «культуры», и широко понимаемое понятие «искусства». Оба они возникли для обозначения нового самосознания человека, нового осознания им своей миссии.

Эта миссия была светской, гуманистической, икупительной. Все традиционные связи с церковью были порваны — если не по форме, то по существу. Священное теперь встречалось и в культуре, и в искусстве, теперь через их «творческий гений» (эти старые слова наполнились совершенно новым содержанием) давал смысл нашей жизни, вдохновение нашим душам.

Существуют наивные интеллектуалы, которые все еще верят, что культура и искусство и сегодня продолжают выполнять свою миссию. Например, литературный критик Сьюзен Зонтаг пишет, что искусство — это деятельность, наиболее близкая к священнодействию, что оно таковым нашим секулярным обществом. Но если так считалось во времена Т.С. Элиот и Джеймса Джойса и даже Джексона Поллока, то ко времени Энди Уорхола такое понимание культуры отношения не имеет. Литературоведы и искусствоведы обычно свободно пользовались религиозным термином «богоявление», чтобы охарактеризовать глубину нашей реакции на творчество великих модернистов как в литературе, так и в живописи. Контркультура же не предлагает нам подобных «богоявлений», поскольку она чужда модернистской традиции, породившей «богоявление». Контркультура — это уже «постмодернизм».

Как контркультура, так и ее более молодой близнец-постмодернизм — оба представляют собой восстание против культуры и искусства, понимаемых как автономные, светские виды человеческой деятельности. Сейчас мы вполне справедливо ощущаем, что эти виды человеческой деятельности лишились всяких признаков духовности, хотя и продолжают настаивать на своей квази-священной миссии.

Естественно, первой мишенью этого восстания явились университеты, которые уже с прошлого века утверждали себя как главные центры секулярно-гуманистической ортодоксии (ортодоксия — здесь — ортодоксальная культура, ортодоксальная система ценностей. Прим. перев.) Это восстание подстегивалось не только массовым наплывом молодежи в университеты после Второй мировой войны, но и тенденциями, развивавшимися весь прошлый (XIX в. — *Прим. перев.*) век в самом мире модернистской литературы и модернистского искусства — в мире, возникшем за пределами университета и, в сущности,

оппозиционно настроенном в отношении университета. В этом модернистском мире, свободном от институциональных ограничений, задолго до контркультуры возникло то, что мы (вслед за Лионелем Триллингом) называем «антагонистической культурой».

То, что эта модернистская антагонистическая культура, существовавшая целый век (1865-1965) была враждебна буржуазному обществу — достаточно очевидно. Она была также, в более глубоком смысле, враждебна и по отношению к светскому гуманизму было не очень очевидно даже для тех, кто сам был вовлечен в эту оппозиционную культуру. Но при ретроспективном взгляде на это время становится понятно, что, за малым исключением, ведущие писатели, поэты и художники — те, кого мы называем модернистами (Элиот, Йейтс, Кафка, Пруст, Пикассо), не могли быть внесены в список скетских секулярных гуманистов.

Довольно странно, но раньше и яснее других понял это именно марксистский философ Дьердь Лукач. Для него искусство и литература модерна буржуазного Запада представляли собой явный признак грядущего кризиса культуры, который якобы сопровождает общий кризис «капитализма». (Конечно, Лукач не понимал, что именно в силу того что марксизм представлял собой гораздо более радикальный вариант современного светского гуманизма, он был обречен на еще более сокрушительный кризис).

В любом случае, в 60-ые годы контркультура начала собирать своих сторонников среди молодых обитателей американских университетских городков. Профессора университетов, хотя и были старшими обитателями тех же городков, лишь последними поняли (по существу, многие и сейчас не понимают) то, что там происходило. Вместе с комментаторами СМИ они пытались найти причину студенческих волнений и настойчиво стремились успокоить бунтующих.

Лионел Трилинг как-то писал о «вере гуманистов» в то, что общество может измениться постепенно путем размышлений и благоразумия. Именно так считала и профессура университетов, предлагая различные формы и методы уступок студентам, беспечно не понимая того, что на них нападали не за то, какие они есть, а за то, что они делают. Довольные ортодоксальным гуманизмом, присущим их институту, университету, эти профессора не могли поверить в то, во что верили их лучшие студенты, а именно: что благодаря светскому гуманизму университет превратился в бездушный

институт, лишенный трансцендентного значения. Не поняли они и того, что учреждение, потерявшее свою душу, естественно, становится «угнетателем», даже если мысли об угнетении будут очень далеки от сознания угнетателя (или учителя).

В этом непонимании профессорам помогали и сами студенты, которые, будучи в большинстве своем малообразованными на американский манер вопреки усилиям своих наставников, почти не в состоянии были сформулировать или даже осмыслить собственное восстание. («Ницше — первый сорт!» — это, пожалуй, все, что большинство из них могло членораздельно вымолвить). Что-то можно было понять скорее со слов более образованных и интеллектуально более развитых французских студентов, которые в 1968 году фактически были близки к осуществлению революции. Они выражали свои мысли в лозунгах, написанных на стенах Сорбонны: «Вся власть воображению!», «Настоящая жизнь не здесь!», «Искусство умерло, давайте творить повседневную жизнь!».

И, тем не менее, американские студенты, как и французские, испытывали экзистенциальный, духовный кризис, выразившийся и в их беспорядочных сексуальных связях, и в пристрастии к наркотикам, и в их страстном стремлении изобрести «новый стиль жизни», в их поп-музыке, одновременно дионисийской и грустной.

Пребывая в своем секулярном рационалистическом мире, мы абсолютно не готовы к подобным экзистенциально-духовным спазмам. Во-первых, мы, к сожалению, не изучаем историю религии достаточно серьезно, даже ради того, чтобы объяснить сами религиозные феномены. Вместо этого мы ищем социологические, экономические или политические причины и делаем это исключительно потому, что считаем практически невозможным допустить, что духовные потребности, духовная жажда могут быть независимой, ведущей силой человеческой истории.

Тем не менее, они таковыми являются — либо могут быть. Вспомним, например, подъем пуританского движения в Елизаветинской Англии, Англии Шекспира. В те времена Английская церковь была самой веротерпимой по сравнению с другими национальными церквями. У нее была прекрасная литургия и целая когорта выдающихся мыслителей. Англия тогда была самой процветающей и свободной страной в западном мире с великолепной светской культурой. Но тогда почему люди, особенно молодые (и среди них было много женщин) вдруг решают, что хотят стать пуританами?

По этому поводу можно сказать лишь, что такое бывает, что дух цветет там, где хочет. И что порой для рождения контркультуры нужно лишь наличие ортодоксии, против которой она может восстать. Потому что никакая ортодоксия не может полностью удовлетворить наши духовные потребности, нашу духовную жажду.

Прадедом всех разновидностей контркультуры, конечно же, является само ранее христианство. Полемика, описанная во втором веке нашей эры греческим философом Цельсом, представляет собой живое свидетельство той реакции изумления и непонимания, которую контркультура эпохи раннего христианства вызывала у греко-римских рационалистов. Все рукописи с этой полемикой были в конце концов уничтожены церковью, но сохранился текст опровержения идей Цельса под названием «Contra Celsum», написанные отцом церкви Оригеном. Изучив эти опровержения, английский историк-рационалист Джеймс Энтони Фруд написал эссе, в котором была восстановлена аргументация Цельса.

Что же утверждал Цельс? Он говорил, что абсурдно верить в чудеса, в то, что бог-человек был погребен и воскрес, потому что верить в подобные вещи оскорбительно для человеческого разума. Это была уничтожающая критика христианства. Это был философский ответ христианской догме и христианской вере. Но философия, изначально рационалистическая, всегда была обезоружена религией либо полностью религией игнорировалась — также как наша академическая, рационалистическая культура обезоруживалась и игнорировалась контркультурой.

Контркультурный ответ современному рационалисту, как и ответ раннего христианства Цельсу, звучит так: «Вы ничего не понимаете!» Но фактически это не аргумент. Но он действенный, а для некоторых — беспрекословный способ прекратить дискуссию, а прекращение дискуссии — это как раз и есть цель контркультуры, которая стремится создать новый словарь, новые термины для дискуссии, наметить новые параметры дискурса — короче, она стремится создать нового человека и новую социальную реальность.

Однако этой ей редко удается; ортодоксия обладает гораздо большим потенциалом устойчивости, чем контркультура. И даже если ей удастся что-то создать, она волей-неволей создает новую, собственную ортодоксию.

В истории западной цивилизации существует всего две ортодоксии, которые прошли все испы-

тания и которые начинались как контркультура. Это христианство и светский рационалистический гуманизм. Очевидно, что создание новой ортодоксии — занятие трудное. Но даже когда контркультуры не изобретают новую ортодоксию, они, тем не менее, оказывают влияние на общество, порой даже в течение длительного времени; мир никогда не станет прежним после того, как возникает контркультура, меняется и сама ортодоксия.

В разное время контркультурный вызов ортодоксии принимает разные формы, но нетрудно различить общую суть ее установок и верований.

Возьмем, например, то, что мы с легкостью называем отчуждением, и все формы его проявления. Не испытывать отчуждение означает, с точки зрения контркультуры, быть «неаутентичным», не обладать всей полнотой человеческой чувствительности. За последние сто лет в западном обществе мы столкнулись с этим феноменом среди части интеллектуалов и творческой интеллигенции, так что понятия «отчужденный интеллектуал» или «отчужденный художник» нам давно знакомы.

Однако это не совсем так. Нет смысла считать отчужденными от своего общества Баха и Моцарта, Тициана и Рафаэля, Данте и Шекспира. Можно допустить, что они довольно часто были недовольны и критиковали свое общество. Но простое недовольство и нормальная критика реального с точки зрения идеального — не означает отчуждения. Отчуждение — это гораздо более глубокое чувство, чувство бездомности в мире, воздвигнутом ортодоксией.

С этим чувством отчуждения связано и чувство возмущения, даже негодования, направленные против ортодоксии, потому что она воспринимается как причина возникновения отчуждения. Именно это чувство возмущения тем, что кажется невыносимым, и объединяет людей в контркультурное движение в отличие от групп разочарованных людей или от какой-либо школы мысли. И подобно всем движениям, контркультурные движения также стремятся к власти, что в свою очередь приводит к конфликтам. Удивительно, что сторонники ортодоксии часто неспособны понять это стремление к власти, они обманывают себя тем, будто добросердечие и терапевтический подход могут успокоить страсти возмущенного отчуждения.

В этом движении почти всегда присутствует проблема секса. «Сексуальное освобождение» является чуть ли не главным пунктом повестки дня контркультуры — однако формы проявления этого «освобождения» бывают самые разнообразные. Точно также и

женское освобождение является характерной чертой всех контркультурных движений — освобождение от мужей, от детей, от семьи. Естественно, главной целью различных гетеродоксий является разрушение семьи как главного института человеческого общества, цитадели ортодоксии.

Вопрос о том, как осуществить подобное освобождение, — вторичен, хотя он и интересует участников движения. Итак, на одном конце спектра существует контркультурное движение, пропагандирующее сексуальный промискуитет на том основании, что члены движения являются «избранными», теми, кто уже искупил грех утраченное невинности человечества. На другом конце — движения, которые исповедуют и практикуют сексуальное воздержание. К такому движению относится и католическое монашество.

В своем великолепном романе «Бездна» Маргерит Юргенар описывает события Анабаптистского восстания в Германии в 1520 году. В основе возникновения анабаптистской секты лежит средневековое еретическое движение, называвшееся «Братьями свободного духа», которое выступало за духовное христианство против организованного, институционализованного, и исповедовало духовную преданность против церковной набожности. Братья также осуждали секс и семью как отвлекающие от духовности факторы.

По всем этим причинам церковь безжалостно подавила это Анабаптистское движение. Но импульс его не затухал в течение двух столетий, и однажды это движение стало снова настолько многочисленным, что взяло под свой контроль город Мюнстер. Этот город прославился своей неконтролируемой распущенностью — ведь практически грань между абсолютной сексуальной чистотой и распущенностью очень тонка, и люди, особенно если они лишены институционального руководства и поддержки, могут легко потерять этот баланс.

В конце концов, светские власти Германии осадили город и через несколько месяцев захватили его, перебив всех его жителей. В итоге, принцесса получила благословение у Мартина Лютера, который (как и Кальвин) был ярким защитником семьи и жаждал (и добился) не освобождения от ортодоксии, а ее реформации. Сегодня же нет более рьяных защитников семьи, чем наши баптисты, которые унаследовали от своих предков не столько их контркультуру, сколько их антиинституциональный дух.

А это наводит на мысль о другой, более современной попытке подрыва устоев семьи.

В наше время мы стали свидетелями экстраординарного крушения Советского коммунизма. Большинство исследователей этого крушения обратили внимание на бедствие, которое сопровождает любые попытки создать централизованную плановую экономику. Эти исследования довольно убедительны, но я не думаю, что они раскрыли всю правду.

Человеку не надо много знать о теории рыночной экономики, чтобы понять, что советская религиозная доктрина, названная несколько смягченно, но довольно точно «безбожным атеистическим материализмом» — никогда не проникала глубоко в сознание русского народа. Все люди всегда и везде являются «теотропными» существами, они не могут долго переносить отсутствие трансцендентного измерения своей жизни. Крушение советского коммунизма подтверждает эту истину.

Здесь также следует отметить другой момент, относящийся не только к коммунистической практике XX века, но и к социалистической доктрине в целом. Это учение всегда было враждебным по отношению к семье как к институту не только потому, что семья — это решающий механизм передачи идей и ценностей, но и потому что именно в семье сущность традиции, основного человеческого инстинкта почитания родового наследия прошлого сохраняется и передается следующим поколениям. Стремясь построить смелый новый мир, социализм по необходимости исказил традиции и утвердил непочтение к прошлому. Социализм воспринял идеи Тома Пейна, до-социалистического мыслителя, утверждавшего, что мертвые — это «не-сущее», что следует позволить «мертвым хоронить мертвых» и что следует сопротивляться «тщеславию и самонадеянности властвовать в загробном мире».

В соответствии с кредо раннего социализма презрение к семье было всеобщим. Все мыслители, которых мы, вслед за Марксом, называем «социалистами-утопистами», имели одинаковое мнение по данному вопросу, хотя подходили к нему с разных сторон. Вильям Годвин в Англии открыто призывал презирать не только семью и брак, но и сексуальность, утверждая, что истинно рациональный человек должен быть свободным от таких низких страстей. С другой стороны, Шарль Фурье во Франции утверждал, что в его коммунах секс будет абсолютно свободным и что в результате такого раскрепощения страстей мужчины и женщины будут жить до 144 лет, из них 120 лет будут жить активной половой жизнью. Можно было бы сказать «Чепуха!»,

но Фурье считался авторитетным и влиятельным мыслителем во всей Европе и даже в кругах трансценденталистов в Соединенных штатах. Находясь под влиянием контркультурных страстей, человек легко теряет или подавляет свою способность отличать глупое от благоразумного.

Когда я проводил семинары по истории социальной мысли, среди моих студентов наблюдалось определенное преобладание молодых марксистов и квазимарксистов. Мы обычно читали Коммунистический манифест, в котором Маркс начинал свои едкие нападки на буржуазную семью, как на институт узаконенной проституции для несчастных женщин. Однажды я спросил моих студентов, что они думают по этому поводу, но ответа не получил — было ясно, что они предпочитают не думать об этом, хотя к Манифесту они относились как к священному писанию. Тогда я спросил, считают ли они проститутками своих матерей. Наступило тяжелое молчание. Чему я удивился тогда и удивляюсь теперь, заключается не в том, что ни у кого не хватило мужества сказать «да», а в том, что ни у кого не хватило смелости сказать «нет». Было ясно, что для них сохранить неприкосновенности марксизм было важнее всего.

Если не обращать внимания на интеллектуальные противоречия последователей марксизма, то нельзя не заметить, что одной из слабых сторон даже умеренных социалистических движений и правительств является их закоренелая враждебность в отношении к семье. Мы начинаем понимать, что эта враждебность, прикрываемая внешним «безразличием», является сегодня главным предметом политического мучения, которое по-прежнему называется «либерализмом» в США. То, что враждебность имеет место, проявляется в устойчивости либерализма перед нападками на семью со стороны радикального феминизма и движения «за права сексуальных меньшинств». Все либеральные политики сегодня считают необходимым говорить о значении семьи, но они не могут встать на ее защиту.

А какова наша ортодоксия, светская, гуманистическая, рационалистическая ортодоксия, против которой восстают все контркультуры последних двухсот лет — все, начиная с романтизма, через модернизм и до постмодернизма? Как она выживает?

В целом, выживает плохо, в основном опираясь на старые религиозные и моральные традиции, которые все еще управляют, пусть и не очень уверенно, жизнями большинства граждан, а также опираясь на свою безоговорочную веру в прогресс — материаль-

ный и моральный — на веру, которая уже смертельно ранена, но еще не умерла.

Потому что благодаря этой вере в прогресс наша ортодоксия не сумела игнорировать главный принцип любой ортодоксии — добродетель (принцип, который не терпит ни одна контркультура). Само это понятие в наше время уже деградировало. Как однажды заметил философ Леви-Стросс, понятие «добродетель», которое обычно означало мужественность мужчин, теперь сузилось в своем значении и стало символизировать сексуальную непорочность женщин — а сегодня даже такое значение исчезает.

Ортодоксальная добродетель означает предписание, в соответствии с которым люди должны получать удовлетворение от жизни, делая правильные дела, поступая правильно, в правильное время и живя с правильным образом мысли. Последнее требование — самое слабое их всех четырех: все ортодоксии уверены, что если вы делаете правильные дела, правильным образом, в правильное время, то вы неизбежно будете иметь правильный образ мысли. Ортодоксии всегда знали, что добродетель — это практическая, экзистенциальная дисциплина, а не просто вопрос веры и не просто применение правил абстрактной доктрины в поведении человека.

К одним из главных приоритетов ортодоксальной практики относится основная, исконная интуиция: ощущение того, что мир создан, чтобы стать домом для человечества. Стремясь к нравственному благословению жизни, добродетельная практика усиливается путем соединения живого с мертвым, н родившимся. В традиционном ортодоксальном обществе как умершие, так и еще не родившиеся имеют право голоса.

Но наша ортодоксия с особым презрением относится к самой идее традиции; в этом она схожа со своим пращником — социализмом. Ей также не хватает главного принципа добродетели. Вместо него она предлагает целый набор добродетелей — «либеральных» добродетелей: терпимости, плюрализма, релятивизма, которые как бы составляют целый супермаркет всевозможных товаров и скромную жизнь. А это представляет собой рецепт нравственной анархии, как раз того, что мы сегодня переживаем. И не существует способа заменить нравственную анархию на нравственный прогресс, хотя сегодня достаточно много людей, особенно в системе образования, убежденных в том, что такой способ существует.

Итак, мы прошли по всему кругу. Я начинал с замечания о том, что постмодернистская контркуль-

тура выросла из тенденции в самой модернистской культуре, произведения которой она презирует, но дела которой она продолжает. По существу, постмодернистская критика упрекает модернизм в том, что он «академичен», что он изначально нацелен на то, чтобы создать свой канон. А наша контркультура противостоит канонам, также как она противостоит Культуре (с большой буквы) и Искусству (с большой буквы).

У поэтов и художников, относящихся к культуре, предшествующей оппозиционной, можно было обнаружить мощную духовную энергию, энергию, проистекающую из тщеславного стремления заменить религию искусством, и чтобы именно искусство давало смысл нашей жизни. А вместо этого этосом нашей контркультуры является этос карнавала. Он циничен, нигилистичен, потребитель по духу, он откровенно жаждет сенсации и материалистичен.

Энергия постмодернистской контркультуры расходуется на саморекламу, на поиски спонсоров. Контркультура превратилась в часть средств массовой информации, потворствующих эксгибиционизму вместо интеллектуального и духовного устремления. На ее повестке дня — потребление старых богов, а не поклонение им.

Как долго это может продолжаться? Изначальный импульс контркультуры безусловно иссяк. Уже возникает ощущение скуки от этого всего — слишком много стало «стилей жизни», слишком много мимолетных «изменчивых» личностей.

Но это еще не значит, что все начинает входить в норму. Мне кажется, что реальная опасность заключается в том, что за крушением идеалов гуманизма, демонстрируемым падением контркультуры, последует крушение таких человеческих ценностей, которые имеют непреходящее значение. Духовное восстание против гнета светского гуманизма, возможно, уже завершилось — в определенном смысле оно действительно завершилось — торжеством иррационализма и дискредитацией человеческого разума. В этих условиях сама либеральная идея свободы может рухнуть под давлением новых духовных и идеологических представлений, мгновенно проникающих туда, где либералы боятся наступать.

Контркультуры — опасный феномен, даже если они неизбежны. Их разрушительная сила гораздо мощнее созидательной. Сложная задача, которая стоит сегодня перед нашей цивилизацией, заключается не в том, чтобы реформировать светскую

рационалистическую ортодоксию, у которой уже мало надежды на спасение. Наоборот, сегодня необходимо вдохнуть новую жизнь в древнюю — находящуюся почти в коматозном состоянии — религиозную ортодоксию, максимально сопротивляясь контркультуре, приспособляясь к ней там, где мы не можем ей противостоять.

А противостоять ей необходимо, поскольку это противостояние поможет отвоевывать у контркультуры то время, в которое могут развернуться ее разрушительные импульсы. (Примером подобного противостояния может служить конфликт между движением про-лесбийского феминизма и более

старым движением за сексуальное освобождение). В то же время нам следует признать, что определенные причины возникновения контркультуры никогда не будут выяснены. И если вдохнуть новую жизнь в меха старой ортодоксии, то следует также признать, что никто не сможет предсказать, как это произойдет, что за этим последует и чем эта вновь ожившая религиозная ортодоксия будет отличаться от старой.

Нам следует быть готовыми к сюрпризам и, видимо, не все они будут приятными. Но исторически именно так разрешается столкновение между ортодоксией и контркультурой.

Список литературы:

Кристал И. Контркультуры // Commentary. 1994. Т. 98. № 6. С. 35-39.

References (transliteration):

Kristol I. Kontrkul'tury // Commentary. 1994. T. 98. № 6. S. 35-39.